

Свет выключенных фонарей

Дмитрий Федоров

16+

Дмитрий Владиславович Федоров

Свет выключенных фонарей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54886531

SelfPub; 2020

Аннотация

В середине 21 века все человечество ликовало. Угрозы войн, климатических катастроф и голода остались в прошлом. Далеко за орбитой Земли группировка спутников-стражей, охраняла внутреннюю систему от любых непрошенных гостей. Открытие же генетического кода последнего из неизвестных вирусов, казалось, навсегда огородило цивилизацию от грозящих ей эпидемий. Человек, в своем развитии, достиг всех высот, предвкушая очередной эволюционный скачок – рывок к звездам. Но в недрах созданной им техносферы уже зрела опасность, готовая перерасти в глобальную пандемию. Пандемию неизвестной природы, которая отбросит человечество обратно в каменный век.

«...и когда Он снял четвёртую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными».

(И.Б. Откр. 6:7-8)

В середине 21 века все человечество ликовало. Угрозы войн, климатических катастроф и голода остались в прошлом. Далеко за орбитой Земли группировка спутников-стражей, охраняла внутреннюю систему от любых непрошенных гостей. Открытие же генетического кода последнего из неизвестных вирусов, казалось, навсегда огородило цивилизацию от грозящих ей эпидемий. Человек, в своем развитии, достиг всех высот, предвкушая очередной эволюционный скачок – рывок к звездам. Но в недрах созданной им техносферы уже зрела опасность, готовая перерасти в глобальную пандемию. Пандемию неизвестной природы, которая отбросит человечество обратно в каменный век.

– Не понимаю, зачем он вам нужен. Впрочем, как я думаю, – главный врач бегло взглянул на документы Ольги, и кивнул, – мне лучше такие вопросы не задавать. – Ольга натянуто улыбнулась и, поправив юбку, присела напротив. –

Мне сообщили о вашем прибытии. По правде говоря, я заинтригован, чем этот доходяга мог заинтересовать бюро. Конечно, в его деле и медицинской карте масса дыр.... Но ни его же бредни о конце света привели вас сюда.

– Боюсь, мне придется вас разочаровать, мистер Эйдриан. Все гораздо проще. И хоть я и ограничена рамками неразглашения, – протянула она, – некоторые факты о прошлом пациента я могу открыть перед вами. Для, так сказать, – усмехнулась она, – налаживания диалога. Он, – буднично добавила она, – съехавший с катушек гениальный ученый, – доктор удивленно вскинул брови, и наклонился вперед, жадно ожидая продолжения. – Работал на правительство. Был ведущим специалистом в одном из госпроектов. В определенный момент, – она задумалась, подбирая слова, – его словно подменили. Он занял позицию активного критика проекта, всячески противодействуя его продвижению. Более того, откровенно саботируя разработки. Мне нужно понять мотивы его поведения и принять решение о его дальнейшей судьбе. С вашей, конечно, помощью.

– Теперь все понятно, – разочарованно и, как показалось Ольге, с облегчением ответил Эйдриан. – Но, я, конечно, извиняюсь, – он понизил голос и суетливо покрутил головой, словно опасаясь, что их подслушивают, – но на кой вам сдался этот псих? Картина абсолютно ясна. Он шизофреник, впавший во власть своих иллюзий. Случай далеко не уникальный, мне ли не знать, что гениальность ходит под руку

с безумием. – Ольга неопределенно пожала плечами. – Что ж, он сейчас на препаратах, так что ничего стоящего из него вы не вытяните. Да и вообще услышите ли что-то внятное – большой вопрос.

– Я все же попробую, – ответила Ольга, – привычным движением она скрестила ноги, удобно расположившись в кресле, – Расскажите мне о нем, в самых общих чертах, мне нужно знать с чего начать, как держаться с ним.

– Что ж. При поступлении пациента мучали обессии, сопровождающиеся сильнейшими головными болями и судорогами. Когда наступала ремиссия, все слова сводились лишь к одному – о скором наступлении Армагеддона. Но это были не простые бредни сумасшедшего. Могу вас заверить – картины его мира завораживали и пугали одновременно. Они были подкреплены весьма живописными подробностями. Мир шизофреника с невероятно, досконально, я, – запнулся доктор, – я бы даже сказал дотошно прописанными деталями. Удивительный случай, – доктор покачал головой. – Первые недели его перманентно держали на нейролептиках. Реагировал пациент неадекватно. Сутками лежал на кровати в позе эмбриона, скуля как щенок, и пуская слюни. А когда приходил в себя, часами сидел на стуле, что-то бормоча под нос. Что еще? Не буйный, интеллектуально и физически развит нормально. Режим не нарушает. С первого взгляда, больной вполне обычный человек, – продолжил он. – Спокойный, неразговорчивый, нелюдимый. С пер-

вых дней повел себя отчужденно, никак не контактируя с местными обитателями. С персоналом предельно вежлив, но немногословен. На контакт с врачами идет, от процедур не отказывается. Посетителей у него не бывает, на моей памяти вы первая, – задумчиво пробормотал доктор. – Так что, вам предстоит непростой диалог. – Он поправил очки и, переводя на Ольгу взгляд, снял их. – Но самое интересное то, что его доставили в режиме абсолютной секретности, – продолжил, сжав ладони, – и сопроводительные документы странные какие-то были, ощущение, что их состряпали на скорую руку. Скажу вам честно, – он перешел на шепот, – я даже думаю, что его сюда по заказу, – Эйдриан показал глазами вверх, – доставили, так сказать, – он прокашлялся, – «без суда и следствия», с билетом в один конец.

– А его, – Ольга слегка запнулась, – бредни?

– Ааа, загадочно ухмыльнулся Эйдриан, скользнув, пожалуйста, уже слишком фамильярно, по ее телу взглядом, – я к этому и веду. – От Ольги не ускользнуло то, какое впечатление произвел на доктора ее женские подробности. Непроизвольно поправив юбку, она, натянуто улыбнувшись, попросила доктора продолжить:

– Я вся во внимании, Эйдриан.

– Так вот, – доктор заметно оживился, – я считаю, что он четко проводит грань между объективной реальностью и своими галлюцинациями. В нашем мире – он вполне адекватный человек, прекрасно понимающий, где находится и

что с ним происходит. Однако таким же реальным он воспринимает и свой выдуманный мир, – торжествующе резюмировал доктор. Видимо поэтому он не заикливается на своих видениях. По прибытию в больницу он и не скрывал своих галлюцинаций. Совершенно спокойно, без нажима, рассказывал о своих видениях. Спокойно так, будто делился повседневными новостями. А спустя какое-то время, он словно потерял интерес к разговорам о своих видениях. Энтузиазм в описании своего мира в нем заметно угас. Не знаю, если бы я хоть на минуту поверил в его галлюцинации, я бы решил, что он смирился с концом света.

– И? – спросила Ольга.

– Ну, – скучно добавил Эйдриан, – Теперь мы стараемся его не провоцировать. А он вроде и не сопротивляется. Прогресс налицо. И все же, что в нем такого интересного?

– Вот, – Ольга достала из сумки папку. Положив ее на стол, она задержала на ней ладонь, с аккуратным маникюром, вкрадчивым голосом проворковала, – а вы молодо выглядите для своей должности. – Эйдриан зарделся, и суетливо открыл папку.

– Неожиданно, – он присвистнул и внимательно посмотрел на нее, – это значит, пациент, под номером 2361 скончался? Вот так поворот, – он почесал затылок.

– Да, – Ольга нахмурилась, – такого пациента больше не существует, как и нашего разговора, – доктор вздрогнул от перемены в ее тоне, – и, разумеется, моих визитов.

– Конечно, – ответил он, проглотив комок в горле, и спохватившись, выдвинул ящик своего стола. – Вот, – он положил перед ней флешку, – как и обещал – записи наших с ним бесед.

– Вот и славно, – Ольга наигранно слащаво улыбнулась и положила руку на флешку. – С вами приятно иметь дело, Эйдриан. И еще одна просьба. К моему следующему визиту приведите нашего подопечного в норму. Насколько, конечно, это возможно.

В комнате свиданий было жутко хмуро и неудобно. Ольга непроизвольно поежилась, когда затарахтел старый кондиционер. Грязно-синие стены, обшарпанные стол и жесткие стулья, глухой треск ламп дневного света создавали в комнате атмосферу тоски и одиночества. Она прижала сумку к груди и прислонилась к стене, рядом с дверью, так и не решившись пройти к столу. Заслышав приближающиеся шаги, она метнулась к стулу, попытавшись занять непринужденную позу. Дверь еще не открылась, а Ольга уже расположилась, с волнением и каким-то непонятно-тревожным чувством рассматривая вошедших медбрата и пациента. Медбрат усадил больного напротив Ольги и, коротко кивнув ей, вышел за дверь. Подопечный Ольги сел напротив и уставил на нее немигающий взгляд. Ольга нервно улыбнулась, полуобернувшись, достала из сумки диктофон и папку с документами. Пациент с отсутствующим видом закурил, щелк-

нув бензиновой зажигалкой.

– Здравствуйте, Джон. Меня зовут Ольга. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо. Сносно, – кивнул он.

– Джон, – она выдохнула и, сосредоточившись, продолжила, выдернув из папки лист бумаги. – Не буду долго мучить вас и себя лирическими предисловиями. – Она задумалась, взглянув на него. Вид у него был довольно необычный, для человека, оказавшегося в психбольнице. Умный, живой взгляд, хитроватая улыбка, ухоженные руки, здоровые отдающие белизной зубы. Вполне себе симпатичный мужчина, с хитроватым блеском в глазах.

«Нет, на сумасшедшего он не похож», – неожиданно подумала она.

– Вы меня сильно обяжете, – процедил он.

Ольга заелозила на стуле, чувствуя себя под пристальным взглядом Джона, совершенно неуютно.

– Вот, – она покраснела и не спеша пододвинула ему лист документа. – Здесь ваша свобода. Ограниченная пока, конечно. Но перевод на более мягкий режим я вам обещаю.

– Нет, – отрезал он, бегло взглянув на документ. – Я в эти игры не играю, – он бросил листок на стол и откинулся на стуле. – Надоело, знаете ли, – оскалился он. – К тому же, к прошлой жизни мне уже не вернуться. Да, – уже тихо добавил он, – как и всем нам. Теперь уже очень скоро.

– Вы не понимаете? – Она заглянула в его глаза, ища хоть

ть понимания. Не понимаете, – вздохнула она. – Даже если вы и выйдете из клиники, в чем я сильно сомневаюсь, – от нее не ускользнуло то, как подействовали на Джона ее, казалось, мельком брошенная фраза, – вас не оставят в покое. Даже здесь. На вас клеймо отступника. Наука, Джон, для вас закрыта. Но вы можете помочь нам, – добавила Ольга, сделав акцент на слове Нам.

Джон закусил губу. Взгляд его метался, выдавая усиленную работу мозга.

– Чего вы хотите?– спросил он.

– Другое дело, кажется, у нас налаживается диалог, – она натянуто улыбнулась и продолжила:

– Вы чуть ли не единственный, кто может помочь нам. Не предотвратить, но хотя бы оттянуть приближающуюся катастрофу, дав время спасти миллионы жизней. Да ладно если нам. Через несколько месяцев всё рухнет. Вирус пожирет Европу и Россию. Азия и Африка уже практически потеряны. Возможно вы, Джон и находитесь здесь в счастливом неведении, но пандемия стоит на нашем пороге. Мир уже задыхается. Теперь это ясно и слепому, и глухому. Вы непосредственно причастны к тому, что происходит. Я пока не понимаю, каким боком, но ваши якобы бредни на деле оказались трезвым и реалистичным прогнозом.

– Вот как? Приятно слышать, – равнодушно ответил он. Но мне придется вас немного расстроить. Это не прогноз, – Ольга осеклась, почувствовав, как похолодело внизу живота.

– В каком смысле, – глухо спросила она.

– В прямом, – ответил он. – Я лично видел мир, вернее то, что останется от нашей цивилизации. И поверьте мне, нужно обладать огромной силой воли, чтобы после этого не съехать с катушек. Я как видите, – горько усмехнулся он, – не справился.

– Как это возможно, – спросила она, уже начиная опасаться того, что доктор был прав.

– Давайте так, Ольга. Я вам расскажу небольшую историю. Потом, если я вам конечно нужен, проверите мою версию событий. Тогда уже, я думаю, наш разговор о моей дальнейшей судьбе станет несколько прагматичнее. Не против? Вижу что не против, – сказал он, закурив очередную сигарету. – Для начала я проведу для вас небольшой исторический экскурс.

– Продолжайте, – она вздернула брови вверх, внутренне удивившись неожиданной смене тона Джона, и внутренне подобралась. Сложив руки на столе, она кивнула, ожидая продолжения.

– Самой страшной пандемией в человеческой истории стала эпидемия гриппа 1918-20 годов, унесшая жизни свыше ста миллионов человек. «Испанкой» или испанским гриппом, как называли тогда эту болезнь, переболело от пятисот млн. до одного миллиарда человек. Болезнь поражала людей в самом расцвете их сил. Смерть наступала в течение нескольких дней. Причиной бурного развития болезни, являлась ненормально активная реакция иммунной системы

организма на грипп. Люди буквально захлебывались кровью и задыхались.

Испанка не была неизлечимым заболеванием. Пенициллин, изобретенный десятью годами позже, мог справиться с гриппом. Убивала людей не испанка, а осложнения, такие как бактериальная пневмония, которая, в 90% случаев, и являлась причиной смерти. Самой вероятной причиной пандемии, называют смену одного доминантного штамма гриппа другим. В результате, люди, родившиеся за тридцать лет до начала эпидемии, просто напросто не имели иммунитета к новому вирусу. – Он сделал паузу, внимательно ее, рассматривая и спустя мгновение продолжил:

– Канзас-Сити, США. Городок с благозвучным названием Форт Райли, – знаете такой? – спросил Джон, словно отрубив.

– Форт Райли. Там находится военная база, – ответила она, не понимая, к чему ведет Джон.

– Форт Райли... – монотонно продолжал он. – Населенный пункт, в штате Канзас-Сити. На базе проводятся секретные исследования в целях укрепления кибербезопасности. Подготовленный проект, к которому я и имел непосредственное отношение, был реализован в центральной Европе, в рамках развёртывания локальной квантовой сети в Испании, Франции и странах Бенилюкса.

– К чему вы клоните, Джон, – спросила Ольга, почувствовав в позвоночнике холодный укол опасности.

Джон вздохнул и внимательно посмотрел на Ольгу.

– История не лишена злой иронии. – Он замолчал, разглядывая потолок. – По одной из версий, пандемия 1918-20 гг. началась не в Испании. Вирус был занесен американскими солдатами, прибывшими в составе экспедиционного корпуса в Европу, в самом начале апреля 1918 года. – Ольга смертельно побледнела.

– Ты понимаешь, что ты несешь, Джон, – прошептала она, произвольно перейдя на ты.

Он лишь вздохнул и взглянул на нее.

– А теперь, Ольга, попробуй, угадай, – выдохнул он, – где до отбытия в Европу, был расквартирован этот злополучный корпус...

Спустя неделю Ольга и Джон встретились уже не в комнатке для свиданий, а в уютном холле для отдыха персонала. Ольга нервно мерила шаги, одной рукой подбоченившись, другой держась за лоб. Джон, сидя на мягком диване, крутил в руках ярко красное яблоко, сохраняя кажущееся спокойствие.

– Ты понимаешь, почему тебя сюда упрятали, Джон?

– Разумеется, – ответил он, надкусив яблоко. – Много ума не надо чтобы это понять. Хорошо еще, что я «случайно» не попал под машину. Или не словил пулю в лоб. Или...

– Хватит, – отмахнулась она, – и так тошно. Забудь. Теперь ты под защитой.

Джон примирительно поднял ладони вверх и отпил из стакана вино.

– Давно забытый вкус, – довольно прищурился он.

– Как твои припадки? Видения? Головные боли?

– Только во сне, – Джон покачал головой. – Наверное, кризис миновал.

– Нет, ну у меня все же в уме не укладывается как инженер, ученый, специалист мирового уровня с репутацией, решился на такой рискованный эксперимент. Ты же мог превратить мозги в кисель.

– Мог, – кивнул Джон. Но не превратил. Зато это было весьма познавательно.

– Шуточки, – фыркнула она и села рядом. – Без согласования, на свой страх и риск, без наблюдающих врачей, вот так запросто, подключился к тестируемому оборудованию. А если бы ты там застрял? Молчишь? А может ты и правда свихнулся, – сверкнув глазами, спросила она? – Нет, мало того, ты не придумал ничего лучшего, как вытащить все свои видения на белый свет. Идеалист. Понятно дело, что тебя сразу запихнули куда поглубже. – Она наклонилась, сжав вместе руки, и полуобернулась к нему. – Я все проверила. Доклад на столе у главы комиссии. Предварительная версия – вирус был запущен во время тестов в Европе полгода назад. Принимаются меры. База Форт-Райли заморожена и переведена в режим карантина. Тебе есть, что сказать? Нет, ну хорошо. Давай так. – Она встала и подошла к телевизору.

Воткнув флешку, Ольга щёлкнула пультом.

– Скажите, – спросил доктор сидящего напротив Джона, – мы можем что-то сделать для нашего спасения? Ведь не может же такого быть, чтобы не было решения.

– Боюсь что уже поздно, – ответил смертельно бледный Джон, покачиваясь сидя на стуле. – Заражение не остановить, – монотонно бормотал он. – Вирус эволюционирует. Вы лишь можете минимизировать потери путем тотального карантина. Он ведет себя как классический вирус во время пандемии. Без какой-либо определенной цели. Если бы перед создателем вируса стояла задача парализовать основные узлы управления, то поверьте мне, сейчас бы мы разговаривали при зажжённых свечах. После целенаправленной, массированной атаки рухнули бы основные ключевые сети, вызвав хаос и разрушения, прежде всего в энергетической сфере, так как она наиболее уязвима, к концентрированному удару. Думаю цель, запустившего вирус, в другом.

– В чем же, – заинтересованно спросил доктор. Заметно было, что он ненавязчиво, сглаживая острые углы, пытается ввязаться в игру пациента.

– Создается впечатление, – Джон проглотил комок в горле, – что вирус поражает районы, с наибольшей плотностью конечных хостов. Как в средние века – наибольший урон пандемия наносила густонаселенным городам. Можно мне воды?

– Придется закрыть целые страны. – Ольга поставила ви-

део на паузу и повернулась к Джону. – Это невозможно, – прошептала она, и Джон в ответ лишь пожал плечами, сделав большой глоток.

– Продолжим? – спросила она и нажала кнопку воспроизведения.

– Интересная параллель, – Доктор задумчиво стучал пальцами по губам, – между биосферой и техносферой.

– Так и есть. – Ответил Джон. – На заре зарождения компьютеров, имело место заблуждение, что компьютерные вирусы, способны заразить пользователей. Глупость? Суеверие? Да, наверное. Но со временем, интеграция информационных систем в человеческое общество достигла такого уровня, что повреждение или выход из строя даже небольшого сегмента сети, несло прямую угрозу жизни человека. Вы не учли регрессивную эволюцию вирусов и фагов, – продолжал он. – Компьютерный вирус, как и его природный аналог, не проявляет ни каких признаков жизни в инертном состоянии, активируясь, попадая в оболочку системы. Тогда у них появляются такие признаки, как размножение и приспособление. Более того, они начинают эволюционировать, включая механизмы изменчивости и наследственности. Вы не сдвинетесь с мертвой точки, если не начнете рассматривать сеть как живой организм.

– Джон, а можно попроще? – попросил доктор.

– Попробую. Сеть пока заинтересована, если слово «заинтересована» в данном случае уместно, в человеке не мень-

ше, чем человек в сети. Другое дело если мы начнем активно перестраивать ее, бороться с вирусом, не зная его структуры. Последствия активного, необдуманного вмешательства грозит непредсказуемыми последствиями. Потому я бы рекомендовал сосредоточить усилия на тотальном карантине и исследовании природы вируса, а не активной борьбы с ним.

– Вы и правда думаете, что сеть обрела самосознание?

– Примитивный подход, – покачал головой Джон. – Если у муравья сознание, – задал он риторический вопрос и продолжил, уже не глядя на доктора. – Сеть не враг себе. Обрушить сама себя она не собирается. Лишь отсекает ненужные сегменты. И не важно, какими последствиями это грозит цивилизации. Она действует исключительно исходя из принципа оптимального функционирования.

– И к чему же, по-вашему, может привести наша встречная атака?

Джон нахмурился, нервно сжимая на руках пальцы.

– Это риск. Более чем вероятно, что мы разработаем антивирус. Но это решит лишь часть проблемы. У вас уже нет необходимых сетевых ресурсов. Скоро целые страны в панике начнут отключаются от глобальной сети. Вы постоянно будете находиться в позиции догоняющего. Что бы вы ни придумали, сеть будет на шаг впереди. – И где предел этой гонке? Думаю, скоро мы все об этом узнаем.

– А как же человечество, – спросил доктор. – Цивилизация. Наши достижения.

– А не нужны мы больше системе. Сеть прекрасно будет существовать и без человека. Сеть эволюционирует. Приспосабливается. Усложняется. Любое наше действие, встречает активное противодействие. Она не просто отсекает ненужные сегменты. Сеть блокирует наши рычаги управления. Нет, это не безумие. Это четкий план, выработанный не почеловечески совершенным мозгом. Сначала единичные хосты, затем локальные сети. После – сети целых стран. Дальше энергосистема, система телекоммуникаций.

Тенденцию прослеживаете?

– Атомные станции, система ядерной безопасности...

– И бум, – Джон хлопнул в ладоши – каменный век. В лучшем случае. Хотите узнать дальнейшие ее шаги? Потеря контроля над системами телекоммуникаций – раз. Коллапс энергетической системы – два, блокировка орбитальной группировки три. Выход из под контроля системы ядерной безопасности – четыре. И – мат, – Джон стукнул кулаками по столу. Мы снова вернемся в пещеры. А сеть, всего-то лишь через пару тройку поколений будет восприниматься человеком как бог. Всевидящий, всемогущий и всеобъемлющий.

– Ваши предложения – это безумие, – глава комиссии швырнул папку через весь стол. Папка, совершив несколько оборотов, остановилась прихлопнутая ладонью хмурой Ольги. – Более того, – они вредны по своей сути, отвлекая нас от поиска виновников эпидемии. Вдруг это атака враждеб-

ных государств. А предложение о карантине, – глава комиссии выдержал внушительную паузу, смахнув платком пот, с блестящей лысины, – это вообще вопиюще, – он задышался от злобы, вращая головой, в поисках поддержки присутствующих членов комиссии. Генералы разного ранга, высокопоставленные чиновники и главы корпораций хранили гробовое молчание, тревожно ожидая окончания гневной тирады сидящего во главе стола представителя президента. – Карантин – это же прямая угроза национальной безопасности страны!

На мгновение, показалось, что глава комиссии выдохся, теребя в руках насквозь мокрый от пота платок.

– Безусловно, мы ценим ваш вклад в работу комиссии, – упрямо бубнил он. – Более того, прежде всего вам страна обязана, спасением Форта-Райли. Но тотальный карантин, – глава комиссии театрально взмахнул руками, – нет, это не просто бред. Это, это..... – Лицо представителя президента, словно калейдоскоп, меняло свой окрас, выдавая бурю эмоций. – Вы же не можете понимать, что отключив сеть, даже на ограниченное количество времени, человечество скатиться в первобытные времена.

Сидящие за столом чиновники, словно по команде, дружно зашумели. Одни вскакивали из-за стола, яростно жестикулируя. Вторые судорожно перелистывали доклад Ольги. Третьи хватались за мобильные телефоны, комично закрывая уши, от оглушительного гвалта.

– Мы и так скоро окажемся там, – мрачно произнесла Ольга, цедя каждое слово. – Это только вопрос времени, – продолжила она, словно не замечая царящего в зале переполоха.

– Оставьте ваши страшилки для желтой прессы и детских комиксов, – представитель президента отмахнулся от Ольги, жестами предлагая членом комиссии успокоиться. – Мне до сих пор непонятны ваши сомнения. Антивирус создан. Эксперименты показали стопроцентный успех. Президент требует от нас действий. В конце концов, этого ждут миллионы людей, – пафосно добавил он.

– Антивирус прошел все стадии тестирования. Он действительно действует. Но мы пока не знаем главного – его природы и источника зарождения, следовательно, не можем бороться и с пандемией, – глухо перебил его стоящий в стороне Джон.

– А это еще кто, – глава комиссии вытянул шею, и присутствующие дружно повернули головы в сторону Джона.

– Наш эксперт. Советую послушать его внимательно.

– На какое-то время мы его остановим, – кивнул Джон и продолжил. – Но со временем, сеть адаптируется к нему, как вирусы в организме человека, адаптируются к антибиотикам. И она породит нового монстра. Мы рискуем потерять управление не только атомными центрами, но и ядерными силами. Да, я говорю о потере контроля над ядерными вооружениями и полном разрушении системы ядерной безопасности. После этого веерное отключение света, системы

коммуникаций и жизнеобеспечения целых стран, покажется нам детскими шалостями. И мы все, господа, будем присутствовать при закате цивилизации.

В зале повисла мертвая тишина.

– Я, и специалисты моей группы настаиваем на информационном карантине объектов государственного значения, атомных центров и системы управления ВС разных стран, прежде всего ядерных держав. Своевременное блокирование и заморозка системы управления, предотвратит летальное поражение главных узлов связи.

Джон, стоя на смотровой площадке небоскреба, взирал на город, усыпанный тысячами огнями ночных фонарей, окон и неоновой рекламы. Местами, встречались темные проплешины, отключенные сегменты энергосистемы города, пораженные вирусом.

– Они не понимают, Ольга, что теряют контроль над сетью. А время уходит. Тотальный карантин грозит огромными убытками. Правительство, связанное по рукам и ногам обязательствами перед корпорациями и не пойдет на этот непопулярный шаг.

Он осторожно привлек Ольгу к себе и провел рукой по ее волосам. Она вздрогнула, но отстраняться не стала, лишь крепче обняв его.

– Нет никакого врага, Ольга – ни внешнего, ни внутреннего. Вирус действительно родился спонтанно. Он продукт

эволюции. Эволюции сети. Мы никогда не узнаем, что стало спусковым крючком – критическая масса пользователей или объем трафика. Это не так уж и принципиально. Важнее то, что сеть действует как единый, автономный и, – он запнулся, – живой организм. – Может показаться, что сеть накладывает на себя руки. Но это не так. Люди испокон веков страшились уничтожения всего человеческого рода разного рода нечестью, эпидемиями, метеоритами из космоса. Шло время, менялась мода на страшилки: от разгневанных богов до кровожадных инопланетян и обезумевших роботов. Однако с уничтожением самого себя человек, до поры, прекрасно справлялся и сам. Болезни – тонкий инструмент, выработанный природой для регуляции популяции видов. Так и сеть создала механизм поражающий сегменты, деформирующие ее тонкую структуру. Боюсь только, что человек, как вид, ей совершенно безразличен. Причины ее действий находятся за гранью нашего понимания и этических норм, выработанных человечеством за все время своего существования. Ей движут совершенно другие мотивы. Функциональность, целесообразность и эффективность, – с горечью произнес он, увидев, как погас еще один район, судорожно мигнув несколько раз, прежде чем окончательно погрузиться в темноту.

В доме было невыносимо жарко. Допотопный вентилятор не помогал. Шумя несмазанными подшипниками, он про-

тивно шумел, отказываясь выполнять свое прямое назначение. Вздохнув, Томас открыл холодильник, почесав живот, едва прикрытый засаленной майкой. Оскалившись от предвкушения удовольствия, он грохнулся на диван, нащупав толстой задницей пульт. Скуксившись от кислого пива, он переключал каналы, наблюдая одну и ту же картинку – ровную черно-белую рябь. Чертыхнувшись, он швырнул в назойливо мяукающего кота пульт от телевизора. Грузно поднявшись, он с остервенением хлопнул по телевизору, и, сплюнув от досады, открыл дверь своего трейлера.

"Надо же, как светло", – Томас икнул, и непроизвольно задрал голову. Небо, от горизонта до горизонта, расцветало ярким фейерверком. Сгорая в плотных слоях атмосферы, на землю падали спутники.

Уставший профессор добрал до дома, находившегося на самом краю поселения. На ворчание жены он не обращал внимания, находя каждодневные прогулки из дома в школу и обратно весьма полезными. Хотя сегодня его артрит дал о себе знать. Последние сто метров он шел до дома, закусив от боли губы. Работа в школе, учителем физики и астрономии, отвлекала от перманентной, зудящей боли в суставах, но к вечеру ему становилось совершенно невыносимо. От всех причитаний и замечаний жены по поводу его здоровья он отмахивался как от надоедливых мух. А ее слезные просьбы съездить в окружную клинику на обследование, разбивались

о мрачный скептицизм мужа.

Профессор бесшумно открыл смазанную барсучьим жиром дверь и тихонько зашел домой. Жена мерно посапывала, укрывшись толстым одеялом. На столике с догорающими свечами, лежал раскрытый томик Оруэлла. Он с досадой покачал головой. Она опять забыла о его просьбе экономить свечи. Поведя от холода плечами, профессор поправил одеяло на заворчавшей во сне жене, и отправился на улицу. Ночи становились все холоднее. Приближалась зима и печку приходилось топить два раза в день. Спасали запасы газа, но их они использовали только для приготовления еды. Цена на пропан с каждым сезоном возрастала, заставляя многие семьи отказываться от газа, его доступного тепла, уюта и чуть ли не единственной оставшейся роскоши былого времени.

Выйдя на холодный воздух, профессор по привычке задрал голову к ясному небу. На юге всходил алый марс, оттеняемый бледным светом луны. Север небосвода был расчеркнут мгновенно гаснущими трассами метеорного потока, необычно оживленного для этого времени года. Опытным взглядом профессор отыскал выделяющуюся светящуюся точку уже много лет мертвой международной станции, с каждым годом приближающейся к плотным слоям атмосферы. Закряхтев, он нагнулся, чтобы набрать дров. Плотнее сжав охапку, он еще раз оглянулся на поселение. Серый дым от труб тянулся к небу. Люди заканчивали трудный день, укрывшись в теплых домах. Люди оставались людьми.

Жизнь продолжалась. Неожиданно профессор улыбнулся. Он еще раз повернулся к небу и подмигнул величественной, негаснущей Луне.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.